

УДК 930.2

**ІЗ ХЕРСОНЕСА В МОСКВУ И ОБРАТНО:
МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ
И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА****К. Н. Колесников****(Академия таможенной службы Украины, г. Днепропетровск)**

Присвячено розгляду інтелектуального підґрунтя політико-ідеологічних інтерпретацій історичної минувшини, сучасності і майбуття, що містяться в кількох нещодавніх висловлюваннях нинішнього Президента РФ Володимира Путіна. На тлі послідовної, тотальної і щирої брехні, що рясно летить нині з медіа-ефіру, ціла низка безневинних, ледь не академічних, висловлювань – думок, міркувань і попереджень очільника держави-агресора виявилися не просто відвертою правдою, а прямими дороговказами – програмними вказівками підлеглим і симпатикам. На підґрунті методології текстологічного аналізу, запропонованої в історично-семіотичних працях Б. Успенського, розглянуто способи символічного прилучення якоїсь спериу сторонньої спільності (у даному разі язичницької Русі) до християнського світу-ойкумени. Проаналізовано ментальні мапи просторовості та просторові образи, що були створені в працях кийвських давньоруських, московських середньовічних та імперських інтелектуалів. Перші і другі ставили собі за мету зіставити територіальні ідентичності стародавньої та середньовічної Русі з сакральним-символічним простором Всесвіту. Під всесвітом-ойкуменою тривалий час (від рубежу нашої ери до пізнього середньовіччя і ранньомодерного часу) мислилася Римська/Візантійська імперія – Рим/Другий Рим (Константинополь), місце яких у сакральном-просторових уявленнях російських книжників XV–XVI ст. поступово посіла Москва – Третій Рим. Російсько-імперські теоретики і практики XVIII–XX ст. на цьому фундаменті вибудували експансіоністські програми та проекти легітимації нових територіальних надбань. В. В. Путін, залишаючи завдання досконалого опрацювання пропагандистських кліше своїм поплічникам, спирався в кількох своїх програмних історично-релігійних і культурологічних висловлюваннях грудня 2014 р. та квітня 2015 р. на вікові традиції заміщення історичних реалій символічним смислом, вигідним зростаючій московській імперії.

Ключові слова: імперія; Рим; Константинополь; Херсонес; Крим; Русь; Москва; сакральном-географічний простір; територіальна ідентичність; експансія.

The article deals with the intellectual background of political-ideological interpretation of the historical past, present and future, which contained in the several recent statements of President Russian Federation Vladimir Putin. Against the background of total lie mass-media some remarks of the head of state aggressor were true and direct program instructions to his subordinates.

In this article examined ways symbolic accession pagan Rus' to the Christian ecumenist world on the ground of the methodology of historical and semiotic textual analysis of B. Uspensky.

Also the article is devoted to consideration of mental maps of spatiality and spatial images that were created in the writings of ancient Kiev and medieval Moscow churchmen and imperial intellectuals of XVIII century. Ancient Ukrainian and Russian intellectuals tried space of the Universe. Long time (from the first century AD to the late Middle Ages and

© К. Н. Колесников, 2014

beginning of Modernity) the Roman/Byzantium Empire – Rome/Second Rome (Constantinople) has represented as Universe (ecumenical, οἰκουμένη). Moscow – the Third Rome gradually took places of First and Second Rome's (place of Universe) in sacral-geographical representations of Russian scribes XV–XVI centuries. Russian-imperial theorists and practitioners have built on this foundation expansionist programs and projects of legitimization of the new territorial gains. Vladimir Putin in several of his fundamental's – historical, religious and cultural – expressions in December 2014 and April 2015 leaned on their age-old traditions.

Key words: *empire; Rome; Constantinople; Chersoneses; Crimea; Rus'; Moscow; sacral geographical space; territorial identity; expansion.*

Постановка проблеми. 4 декабря 2014 г. гражданин В. В. Путин, всё ещё занимающий должность Президента РФ, обратился с очередным посланием к Федеральному собранию, в котором вдохновенно обосновывал логичность, законность и историческую неминуемость отторжения Крыма от Украины и его присоединения к России. Подбор аргументов для обоснования абсолютно ничем внешне не спровоцированной со стороны Украины агрессии и противоправной оккупации Автономной Республики Крым оказался для интеллектуальных кругов России и мира во многом непонятным, неожиданным и противоречивым.

Дело в том, что среди разнообразнейших аргументов легитимации актов внешней агрессии и аннексии чужих территорий, которые использовались различными захватчиками на протяжении хотя бы трёх последних столетий, без особого труда можно отыскать куда более рациональные, да и вообще вменяемые оправдания¹.

Российский лидер предпочёл опереться на достаточно странные для второго десятилетия XXI в. историко-легитимистские и духовно-сакральные послылы, успевшие практически моментально вызвать диаметрально противоположные реакции – от крайне восторженных до резко недоуменных.

¹ В качестве примера уместно привести мотивационную аргументацию юристов и дипломатов Священной Римской империи, в 1772 г., в ходе т. н. первого раздела Речи Посполитой, оккупировавшей большую часть западно-украинских земель. Правившие в империи Габсбурги как законные обладатели короны св. Стефана считались династическими правопреемниками королей венгерских династий Арпадов и Анжу. Представители этих семейств (в начале XIII в. Андраш II и его младший сын Коломан, а во второй половине XIV в. Лайош Великий и его дочь Ядвига) короновались как короли Галиции и Лодомерии (т. е. Володимирии; речь идёт о *Regnum Galiciae et Lodomeriae* – Галицко-Волынской державе). Именно на основании династической легитимации имперские юристы обосновывали законность принадлежности отторгнутых от Речи Посполитой в 1772 г. земель Русского и части Белзского воеводства, а также части Малой Польши и других территорий. Возможно, для просвещённого XVIII в. династическая аргументация в территориальных спорах казалась устаревшей, но была всеми признанной. Натяжки и хитрости тут в ином: большинство этнических польских земель Малой Польши, также оккупированных Габсбургами, не имели, в общем-то, никакого отношения к Галиции, из-за чего для поддержания легитимности при обладании ими австрийские власти до последнего сохраняли созданный ими же фантом – Королевство Галиции и Лодомерии. Искусственное административно-территориальное образование “Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцимским и Заторским” (*Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator, Królestwo Galicji i Lodomerii wraz z Wielkim Księstwem Krakowskim i Księstwem Oświęcimia i Zatoru*) просуществовало до 1918 г., когда в пожаре Первой мировой войны рухнула вся империя Габсбургов.

Анализ последних исследований и публикаций. Методологической основой данной работы послужили теоретические положения и практические выводы, изложенные в целом ряде выдающихся исследований российского семиолога Б. А. Успенского. Кроме его публикаций, историография нашей статьи включает исследования В. Е. Возгрина, К. Цукермана, И. А. Макарова, А. Поппе, ряд наших собственных работ и др. Также активно использовались интернет-публикации протодиаконов Андрея Новикова и Андрея Кураева, главным образом на основе богословской аргументации, представляющие две полярные позиции – *pro et contra* – в отношении путинских словесных демаршей об аннексии Крыма. Хронологические рамки исследования порой уходят в античную и древнерусскую эпохи, сосредоточиваются на последней четверти XVIII в. и современности.

Цель статьи – показать, что в отечественной интеллектуальной истории попытки подобным В. В. Путину образом развернуть (перелицевать) прошлое и настоящее Отечества предпринимались, по меньшей мере, уже несколько раз, хотя, разумеется, совсем с иными, откровенно невинными целями. Речь идёт о наборе своеобразных семантических приёмов ретроспективного переосмысления прошлого Руси и символической роли в нём Рима и Херсонеса.

Изложение основного материала. На протяжении своей двухтысячелетней античной и средневековой истории Херсонес Таврический, переживая взлёты и падения, всегда оставался отдалённой периферией ойкумены – мира греко-римской цивилизации. Оставаясь ли самостоятельным городом-государством, возглавляя ли территориальную державу всего Западного Крыма, сохраняя ли автономию в составе Боспорского царства или Римской империи, Херсонес никогда не играл какой-либо выдающейся роли в истории средиземноморской античной цивилизации в целом. В римский и византийский имперские периоды район Херсонеса был важен для центральных властей как своего рода аванпост на северо-восточных рубежах. Туда, кроме всего прочего, стекалась разведывательная информация о военно-политической обстановке на обширных просторах евразийского варварского мира. Однако именно тогда Херсонес утратил своё самостоятельное значение. Недаром имперские власти, уверенные то ли в лояльности местного населения, то ли в отдалённости самой местности, регулярно использовали город как место ссылки опальных церковных и гражданских чиновников. Впрочем, в сравнении с могущественным Боспорским царством для Римской империи военно-стратегическое значение Херсонеса оставалось второстепенным, разумеется, до ослабления и деградации Боспора. Однако даже такую роль Таврического полиса для позднего Рима и ранней Византии не следует преувеличивать, ведь, кроме северо-восточных рубежей, у Империи имелись и другие не менее, а порой и более важные границы с исходившими от них угрозами.

Как же получилось, что на протяжении более чем двух последних столетий историческая роль и символическое значение Херсонеса Таврического систематически преувеличивается? Ответ, полагаю, прост. И состоит он с идеологической, научно-исторической и религиозной компонент. Во-первых, через Херсонес и Тавриду отечественные интеллектуалы стремились и стремятся связать Российскую государственность с античностью вообще и Римом в частности. Таким способом хоть как-то, пусть даже искусственно, приобщаясь к истокам столь обаятельной имперской идеи, причём в её оригинальном и более респектабельном западном исполнении, а не в традиционном и обыденном для Москвы восточно-деспотическом. Во-вторых, в конце XV в. по-

следние жители покинули захиревшее поселение, и территория Херсонеса оказалась необитаемой. Через три столетия руины древнего полиса превратились в настоящее эльдорадо для археологов. Например, на материале Херсонеса изучается структура и характер античного полисного землевладения вообще как такового благодаря тому, что на Гераклеяском и Маячном полуостровах сохранилось межевание на клеры, остатки сельских усадеб и сельскохозяйственных построек, практически нигде в мире в таком масштабе не сберегшиеся. Не удивительно, что в XIX в. Херсонес поэтично нарекли “Русскими Помпеями”. Но чем так особенно были славны Помпеи и Геркуланум до того, как их засыпало основательным слоем вулканического пепла, сохранив тем самым для многочисленных поколений археологов? В-третьих, с Херсонесом связаны легенды о святительском путешествии св. апостола Андрея Первозванного и крещении кн. Владимира Святого.

В связи с *идеологической компонентой превознесения* Херсонеса следует упомянуть так называемый “Греческий проект”, представленный императрице Екатерине Алексеевне Григорием Потёмкиным ещё до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. “Великий план так называемой восточной системы” предполагал изгнание турок из Европы и образование православного Греческого царства под скипетром великого князя российской императорской фамилии. В “Записке” Безбородко 1782 г. детализировались цели русской экспансии – захват территории между Бугом и Днестром, Крыма, Греческого архипелага; нападение на Турцию планировалось совместно с Австрией; из Молдавии, Валахии и Бессарабии создавалось бы буферное государство Дакия. В ноябре 1782 г. проект был согласован с Иосифом II, уточнившим причитающиеся Вене части Турции. Впрочем, и тут не обошлось без двуличной политики: императрица скрыла от цесаря свой план аннексии Крыма. В случае, если нападение пройдёт удачно, предполагалось посадить на реставрированный греческий престол Константинополь-Царьграда внука Екатерины II Константина, явно получившего своё имя (1779 г.) с символическим прицелом².

Объясняя в Манифесте от 8 апреля 1783 г. причины аннексии Крымского ханства (усердно называемого “Крымским полуостровом, островом Тамань с всея Кубанской стороной”), государыня не пожалела потратить на это более 50 строк, в отличие от нынешнего российского руководителя, истратившего всего-навсего пару-тройку абзацев. Аргументы императрицы крайне противоречивы и циничны, исходят исключительно из интересов империи и сводятся к нежеланию впредь терпеть излишние финансовые (более 12 млн руб.) и человеческие издержки. Что же касается татар, то поддержание усилиями российских войск независимости их государства нецелесообразно, поскольку те просто не понимают своей выгоды. Без российских войск “не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди Татар, когда деятельное многих лет испытание всячески уже доказывает, что как прежде их подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обеими Державами, так и преобразование их в вольную область, при *неспособности их ко вкушению плодов таковой свободы* (курсив наш. – К. К.), служит ко всегдашним для Нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск Наших”³. Однако следует заметить, что Екатерина II вынуждена объяснять, не по какому праву она отторгла от Турции и оккупировала Крым (это произошло в прежнюю войну 1768–1774 гг.), а почему она, вопреки принятым на себя ранее обязательствам, лишила

² Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. – М. : Мысль, 1992. – С. 291–294.

³ Манифест Екатерины II о присоединении Крыма к России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.qrim.ru/about/docs/Manifest_Krim_Rossia

ханство формальної незалежності, установленної Кючук-Кайнарджийським миром 1774 г. Права же на обладання якої-либо території в XVIII в. обосновувались вповне законним правом завоювання, отвергнутим в міжнародному праві лише після Другої світової війни: “сили і перемоги зброї Нашого давали Нам повне право залишити в користь Нашу Крим, в руках наших бувший”⁴. При всім признаваною законністю права завоювання обосновувати залишалося лише законність розв’язування самої війни⁵.

Не підлягає сумніву, що осередження нових імперських міських центрів в Північному Причорномор’ї на порожніх землях або, частіше, на місцях казачьих і татарських сіл і міст здійснювалося в руслі Грецького проекту, о чому недвозначно свідчать самі назви цих пунктів, більшість з яких складені з грецьких слів. Херсон (1778, “півострів”, конотація з античним Херсонесом), Маріуполь (1778/1779, “град Марії”), Ольвіополь (1782, “щасливий місто”, давніше Орлик), Севастополь (1783, у татарського Ахтіяра, “святий град, августейший, т. є. імператорський, місто”), Александрия (1784, на місці казачього Усовки і сербського Бечія), Сімферополь (1784, “місто-збирач, місто загальної користі”, к северо-западу від Ак-Мечеті), Євпаторія (1784, замість татарського Гезлєва), Одеса (1794, на місці Хаджібея, від античного міста Одессос) і так далі⁶. Центром ново-придбаного імперського краю – Новоросії (в статусі намісництва, губернії або генерал-губернаторства) мав стати Єкатеринослав (1776/1787), названий на честь небесної покровительниці правлячої імператриці – св. Єкаторини. Єкатеринослав як центр Азово-Чорноморської губернії спочатку задумувався як міська фортеця в топкій місцевості у злитті Кильчени і Самары. Після окупації Криму Єкатеринослав переноситься в долину Дніпра, на його правий берег вище першого, Кодацького, порога. В амбіциозних планах Г. А. Потємкіна Град Єкаторини мав бути як третя, південна, столиця імперії. І хоча місто, розташоване між Старим Кодаком (знаменита фортеця, 1635/1639) і Новим Кодаком (центр однойменної запорожської паланки, 1600/1635), опираючись на казачью слободу Половицу, було спроектоване як принципово нове утворення з адміністративним центром на

⁴ Там же.

⁵ В зв’язі з осудженням сучасним міжнародним правом агресії як такої і запереченням права завоювання в путінському посланні функцію юридичного обґрунтування анексії Криму виконує лукаве заявлення про волеизъявлення народу на фіктивному референдумі від 16 березня 2014 г.: “Як відомо, в березні цього року в Криму відбувся референдум, на якому жителі півострова явно заявили про своє бажання приєднатися до Росії. Далі було прийнято рішення кримського парламенту – і, підкреслюю, абсолютно легітимного, не треба про це забувати, обраного ще в 2010 році, – рішення кримського парламенту про незалежність. Нарешті, відбулося історичне возз’єднання Криму і Севастополя з Росією”. См.: Послання Президента Федеральному Зібранню. 4 березня 2014 року, 13:20 Москва, Кремль [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.kremlin.ru/news/47173>

⁶ Не слід думати, що мало місце невинне повернення старих назв, нав’язане класицизмом і модою на все античне. Річ йшла саме про привнесіння принципово нового, імперського значення, і про викоренення історичної пам’яті місцевого населення, оскільки практично всі перейменовані населені пункти не відповідали місцевості однойменних античних міст. Так, Херсоном було названо нове місто в низов’ях Дніпра; в античну епоху існувало декілька міст з назвою Севастополь, Себастополіс, наприклад, на місці сучасного г. Сухумі; античний Одессос знаходився в Фракії в Західному Причорномор’ї; а дискусії про місцезнаходження античного Євпаторія не стихають до цих пір.

высоких приднепровских холмах, отстроеным согласно классическим канонам градостроительства. Связь с предшествующими казацкими традициями всячески отвергалась.

Подобно тому, как несколькими годами ранее развернулось систематическое искоренение следов запорожского казачества в топонимике Приднепровья, после первой российской аннексии Крыма имперские власти в официальном и полуофициальном документообороте начинают всячески избегать даже намёков на татарскую принадлежность полуострова в прошлом. Частью данной кампании явилось уже упомянутое переименование городов на античный лад. Подобная практика продолжилась и в дальнейшем, к примеру, в 1804 г. Кафа становится Феодосией. После депортации крымско-татарского народа в 1944–1945 гг. империя, на этот раз советская, вместо древних исконных названий сочиняет новые, славянские: Карасубазар становится Белогорском, Курман-Кемельчик – Красногвардейским, Ислам-Терек – Кировским, Коккози – Соколинным, Бия-Сала – Верхоречьем и т. д.

В 1783 г. в качестве нового составляющего титула императрицы начинает использоваться химерическая конструкция “царица Херсонская”. Титулы всех последующих российских государей неотъемлемо украшаются формулой “Царь Херсониса Таврического”, очень странно сочетающейся с другими составляющими титула, например, “Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский” и т. д.⁷ Причём дело тут даже не в том, в какую эпоху начинается история, скажем, Короны Польской или Сибирского ханства, а в какую прекращается история Херсонеса Таврического. Дело в том, что аннексируя татарские Казань, Астрахань и Сибирь, московский государь действовал по отношению к их правителям, как к таким же, как и он, наследникам разрозненных осколков Золотой Орды. Над ними не тяготел ничей верховный сюзеренитет: власть монгольского великого хана и одновременно императора династии Юань была устранена в связи с возвышением китайской династии Мин в 1368 г. Титул “Царя Херсониса Таврического” был инспирирован Греческим проектом и претензиями на византийское наследие⁸. Ну, а кроме того, возможный титул “Царя Крымского” был не интересен, потому что высшим сувереном крымского царя (хана) 300 лет являлся султан Османской империи, с которым, так или иначе, всё ещё приходилось считаться.

Итак, в имперской экспансионистской идеологии с последней четверти XVIII в. образ “Херсониса Таврического” оказался своего рода символическим ключом ко всему Крыму и Северному Причерноморью, фактически отнятыми у казаков и татар – их давних хозяев. В петербургских кабинетах никого не смущало, что античный Херсонес никогда не был монархией или “царством”. Единственный, кого там называли царём (басилеем), – это ежегодно избиравшийся верховный жрец городского культа, которым мог стать любой гражданин полиса. Единственным неварварским монархическим

⁷ Титулы русских государей // Большая энциклопедия русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=3389>

⁸ В территориальном отношении с последней четверти XVIII в. это выражалось в претензиях на Закавказье, Балканы, проливы Босфор и Дарданеллы, от которых Российская империя не отказывалась ни в XIX, ни в XX вв. И Николай II в 1914 г., и Временное правительство в 1917 г., и Иосиф Сталин в 1940 г. прямо указывали в этом направлении. Хотя, разумеется, всякий раз мотивация и идеологическое обоснование этих экспансионистских планов варьировались, их истинная империалистическая подоплёка оставалась неизменной.

государством полуострова и всего Северного Причерноморья являлся Боспор, однако его древняя, почти тысячелетняя история была проигнорирована императорскими советниками⁹. Может быть, это произошло по незнанию, но более вероятным представляется иное объяснение. На рубеже античности и средневековья территория Боспора оказалась под контролем хазар, которые, отчего-то очень непредусмотрительно для Российской империи, в начале IX в. приняли иудаизм. Как-то неловко и неприлично было в православной империи XVIII – начала XX вв. пытаться выстраивать историческую преемственность на связях с иудеями. Античный Херсонес – даром, что образчик типичного греческого республиканизма – на роль отправной точки легитимистского континуитета подходил значительно лучше. Во-первых, в IV в. Херсонес принял христианство якобы от самого ромейского василевса св. Константина¹⁰. Во-вторых, на протяжении всего средневековья, оставаясь форпостом Византийской империи на причерноморских землях северных варваров, Херсонес блестяще подходил на роль историко-легитимистского звена, которое соединило бы Российскую и Ромейскую империи.

А что же научное сообщество? В чём проявлялась *научно-историческая компонента* преувеличения значения Херсонеса? Множество исследователей, совершенно не оглядываясь (по крайней мере, сознательно) на идеологические потуги царской администрации вокруг древнего Таврического полиса, тем не менее превозносили его значение и роль в судьбах цивилизации. Возможно, это происходило подсознательно в связи с уже упомянутым непреходящим значением археологического наследия города и области. Возможно, это было связано с желанием установить линии цивилизационных связей и общность культурных кодов Тавриды с признанными центрами классической и христианской средиземноморской цивилизаций – Римом, Афинами, Константинополем. Причём Херсонес и вся Таврида осознавались в качестве единственной территории в обширных пределах Отечества, живыми нитями своего происхождения, связанной с греко-римской ойкуменой. Последняя же, благодаря системе образования, унаследованной от эпохи европейского Просвещения, воспринималась как исток и колыбель современной европейской цивилизации. Россия же ни западниками, ни славянофилами никогда не исключалась из числа законных претендентов на античное наследие.

Множество представителей российской исторической науки XIX–XX вв. ощущали обеспокоенность из-за отдалённости греческих поселений Северного Причерноморья от мировых центров эллинизма, от Римской империи как организационного начала средиземноморской цивилизации. Потому они стремились крепко связать Тиру, Ольвию, Херсонес, Боспор с судьбой последней, или же реконструировать наличествовавшие в прошлом реальные связи. Самого факта военно-политической заинтересованности Рима в Северном Причерноморье и долговременной дислокации там имперских легионов, видимо, недоставало. Хотелось ещё установить линии цивилизационных

⁹ Их, конечно же, при большом желании тоже можно обвинить в невежестве, малообразованности, как многие сегодняшние критики обвиняют спичрайтеров В. В. Путина. Хотя следует ли ожидать научной достоверности и корректности в обращении с фактами от идеологов, оправдывающих захват чужого святой убежденностью, что это свое?

¹⁰ Колесников К. URBE ET ORBE. Місто та Всесвіт – Поліс та Імперія – Локус та Універсум: перетворення географічно-цивілізаційної периферії на всесвітньо-історичний центр // Ейдос. ЕІΔΟΣ. Альманах теорії та історії історичної науки. – К. : Ін-т історії НАН України, 2013. – Вип. 7. – С. 266–268.

связей, общность культурных кодов и взаимозависимость политических комбинаций. В этом ключе остановлюсь лишь на одном примере.

В 46 г. до н. э. херсонеситы установили мраморную плиту с текстом торжественного декрета в честь Гая Юлия Сатира, сына Теагена (IOSPE, I², 691), в котором за что-то¹¹ благодарили этого гражданина. Особенно подчеркивалось, что он “выполнил гражданские обязанности достойно этой почести, отправившись с посольством в Рим в римский сенат и к Гаю Юлию Цезарю в период третьей диктатуры и третьего консульства” (IOSPE, I², 691, 7–10). *Prænomēn i nomen* Гая Юлия, которые носил Сатир, сын Теагена, бесспорно указывают, что этот грек получил римское гражданство от Цезаря и был в чём-то лично связан с великим полководцем и политиком. Своим декретом, отдавая дань уважения Г. Ю. Сатиру, херсонеситы стремились достичь каких-то конкретных политических целей, их задача была чисто практическая, и планов таким способом приобщиться к “генеральному течению” всемирной истории они, вероятно, не строили. Совсем другой, естественно, была мотивация современных историков, которые обнаружили и интерпретировали фрагмент этого почётного декрета.

Уже первый издатель надписи М. И. Ростовцев в 1916–1917 гг. разворачивает широкий политический фон деяний “великого римлянина”, на котором бледный след какого-то заурядного для Вечного Города посольства Г. Ю. Сатира приобретает всемирноисторическое значение. Действующими лицами драматического повествования М. И. Ростовцева наряду с Цезарем становятся города, государства, цари, полководцы и первосвященники всего Средиземноморья – Родос, Милет, Пергам, Митилена, Сидон, Тир, Аскалон, Гиркан II и Антипатр, Дейотар и Клеопатра и так далее, привлекаются свидетельства различных эпиграфических источников, римских сенатусконсультов, Иосифа Флавия, Аппиана, Плутарха и других. Сатир, сын Теагена, упомянутый в одной лишь херсонесской надписи (IOSPE, I², 691), сравнивается со знатным книдзянином Феопомпом – известным литератором, личным другом Цезаря, имевшим серьёзные связи в Риме, и с его сыном Артемидором, одним из действующих лиц трагического дня гибели Цезаря (Plut. Caes., 65; App. Bel. Civ., II, 116; Dio, XLIV, 18). Сообщение Плутарха и ряд эпиграфических надписей, удостоверяющих факт непосредственного участия Феопомпа в предоставлении Цезарем свободы Книду (Strabo. XIV, 2, 15, С 656; Sic. Ep. ad Att. XIII, 7, 1), подталкивает М. И. Ростовцева сформулировать гипотезу о даровании Цезарем свободы Херсонесу исключительно по настоянию нашего местного героя – Гая Юлия Сатира, сын Теагена, – еще недавно никому не известного, а ныне широко упоминаемого на страницах современной специальной и научно-педагогической литературы.

Действительно ли Г. Ю. Сатир был отправлен в Рим херсонесской общиной, ходатайствовал ли он о даровании элевтерии (свободы), удовлетворил ли Цезарь это ходатайство, иначе говоря, насколько успешным было посольство, получил ли Таврический полис свою “первую элевтерию” благодаря Цезарю? Все эти вопросы были рассмотрены в другой нашей работе¹². Здесь важно, что современный исследователь использовал упоминание в херсонесском почётном декрете имени Цезаря, чтобы вплести судьбу удалённого причерноморского города в историческое пространство всей ойку-

¹¹ Резолютивная часть почётной надписи не сохранилась.

¹² Колесников К. М. Перша елевтерія Херсонеса та проблема визначення статусу міста 40-х рр. до н. е. – 140-х рр. н. е. у вітчизняній історіографії // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2013. – № 1 (7). – С. 19–45.

мены. Очаровывая, звучат слова автора: “Цезарю понтийские дела далеко не равнодушны. План похода в Парфию и необходимость вмешательства в дела Фракии заставляли его интересоваться положением дел на Черноморском побережье ... В его расчеты могло входить и создание свободного, непосредственно связанного с Римом города на противоположном берегу Черного моря, в Крыму”¹³. В таком контексте миссия Сатира действительно приобретает величественные масштабы и совсем не провинциальное значение. Однако эта масштабность – продукт развития гипотезы М. И. Ростовцева.

Совершенно иной взгляд на степень значимости миссии Сатира возникает под впечатлением гипотезы современного исследователя И. А. Макарова¹⁴. Во-первых, Сатир, сын Теагена, природный гражданин Гераклеи Понтийской, а не Херсонеса, отбыл в Рим, чтобы выяснить вопросы вокруг выведенных в порты Южного Причерноморья – Синопу и Гераклею – колоний римских граждан¹⁵. Во-вторых, он был отмечен в херсонесском декрете за то, что всего лишь напомнил римскому сенату о давних дружеских сношениях Херсонеса с Римом. Речь шла о заключении при римском посредничестве союзного договора между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком II в 179 г. до н. э. (IOSPE, I², 402). В договоре дважды упоминаются римляне, “дружба” (*Ῥωμαίων φιλίαν*) с которыми оговаривается как условие херсонесско-понтийских союзнических отношений. Двустороннее соглашение, вероятнее всего, было подписано в контексте широкого мирного урегулирования после пятилетней войны между государями Вифинии, Пергама, Каппадокии с правителями Понта и Армении (Polyb. XXV, 2, 12).

Иначе говоря, никаких просьб о предоставлении Херсонесу элевтерии (свободы) Сатир во время своих посещений римского сената и Цезаря не высказывал, а консул и диктатор в связи со своими планами балканской и кавказской экспедиций судьбой северопонтийского города особо и не проникался. Если принять такое объяснение смысла посольства Сатира (что, между прочим, не менее вероятно, чем изложенная выше гипотеза “первой элевтерии” М. И. Ростовцева), то получается, что помимо чисто морально-этической цели – возблагодарить посла за его покровительство перед Римом – херсонесский торжественный декрет в честь Сатира преследовал ещё одну цель. Условно назовём её гуманитарной или культурологической. Херсонеситы, награждая гераклеота и своего проксеничного (натурализованного) гражданина Сатира за одну только попытку напомнить римлянам об удалённом причерноморском полисе, одним только упоминанием в своём декрете могущественного Цезаря – римского диктатора и неоднократного консула, а также сената наимогущественнейшей мировой державы приобщались к цивилизационному пространству империи-универсума, которое именно в то время выстраивалось Римом. Текст этого декрета оказывается вместе с рассказом М. И. Ростовцева в одной плоскости: повторное символическое вхождение города во всемирно-историческое пространство ойкумены, которая олицетворялась Римским государством путём приобщения к магическому обаянию власти самой авторитетной в Средиземноморье институции – римского сената и харизмы деяний личности всемирно-исторического масштаба – Цезаря.

¹³ Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИИАК. – 1917. – № 63. – С. 16.

¹⁴ Макаров И. А. “Первая элевтерия” Херсонеса Таврического в эпиграфических источниках // ВДИ. – 2005. – № 2. – С. 82–97.

¹⁵ Это произошло не позже 45 г. до н. э. и было зафиксировано несколькими античными авторами – Плутархом, Аппианом и Диодором Сицилийским (Plut. Caes., 65; App. Bel. Civ., II, 116; Dio. XLIV, 18).

Можно сказать, что приведенные случаи демонстрируют пример введения локального пространства полиса в систему координат карты всемирно-исторического масштаба путём связывания периферийного места-точки с действиями объектов – личностей или организаций – глобального значения. Можно смело утверждать, что стремление приобщиться к памяти, славе и наследию величайших фигур или институций прошлого становится способом демонстрации культурно-географической и цивилизационной принадлежности к тому началу, которое символизируется соответствующими фигурами.

И именно на этой почве мы обращаемся к *религиозно-мифологической компоненте* превознесения Херсонеса, ярко выраженной в древнерусских легендах о миссионерском путешествии св. апостола Андрея Первозванного и крещении Владимира Святого.

До IX в. служение апостола Андрея, старшего брата апостола Петра и товарища “апостола язычников” Павла, никогда официально не связывалось с Херсонесом. В этот период его проповедь и служение стремились увязать с древнегреческим Византием. Тем самым подчёркивая, что своё религиозно-сакральное значение основанный на месте Византия Новый Рим – Константинополь приобрёл не просто как месторасположение патриаршей кафедры, а как место задолго до этого освящённое апостольской проповедью. Апостольское служение св. Андрея использовалось как аргумент в споре о первенстве Рима и Константинополя. Римская кафедра была основана апостолом Петром¹⁶, Константинопольская могла похвастаться разве что приближённостью к трону римского императора – светского предводителя сообщества верующих. И тут, как нельзя кстати, подошли апокрифические сказания о пребывании и служении св. апостола Андрея в Византии. Согласно “Деяниям св. апостола Андрея Первозванного”, составленным не ранее III в., св. Андрей первым проповедовал учение Спасителя в будущем центре восточного христианства, где апостол основал Церковь. Он рукоположил в сан византийского епископа Стахия, одного из 70 апостолов Христа, о котором Павел упоминает в “Послании к римлянам” (16:9). Также святой назначил пресвитеров церкви, “чтобы они учили народ и совершали таинства”.

Евсевий Кесарийский в первой половине IV в., ссылаясь на не дошедшее до нас сочинение Оригена, говорит о служении Андрея в Скифии. Ориген, согласно Евсевию, утверждал, что для определения направления своей миссионерской деятельности 12 апостолов бросили жребий. Так, Петру выпало проповедничество в Риме, Матфею – в Палестине, Марку – в Египте, Иоанну – в Малой Азии, Фоме – в Парфии, а Андрею – во Фракии и Скифии. Однако уже по поводу этого свидетельства расходятся мнения церковных историков. Вопрос о том, насколько приведённая Евсевию цитата представляет буквальную выдержку из Оригена, остаётся открытым. Некоторые учёные утверждают, что известие об апостоле Андрее принадлежит самому Евсевию и современному ему церковному преданию, другие склоняются к традиционному мнению. Последующие церковные писатели – Досифей Тирский, Епифаний Кипрский (IV в.), Евхерий Лионский (V в.), Никита Пафлагон (IX–X вв.) и другие – по-своему дополняют это предание. Таким образом, маршрут апостола пролегал “через всю Вифинию, всю Фракию и скифов ... потом достиг великого города Севаста, ... где находится крепость Аспар и река Фасис, ... у которой обитают внутренние эфиопы” (то есть, соглас-

¹⁶ В Евангелие от Матфея Иисус обращается к Петру: “Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах” (Мф. 16:18–19).

но этим авторам, апостол достиг примерно нынешней Абхазии – Фасис обычно соотносится с Риони). Между Иверией и Скифией Андрей посетил, как утверждается, Боспор, Феодосию и Херсонес. Однако в большинстве вариантов легенды о бросании жребия Скифия вообще не упоминается. Также ни в одной из древнейших записей легенды не упоминается о путешествиях апостолов по Северному Причерноморью или по Днепру. А св. Григорий Богослов (IV в.) писал, что Андрею жребий выпал на Индию¹⁷.

Когда на рубеже VIII–IX вв. византийский монах Епифаний составлял “Деяния и хождение святого и всехвального апостола Андрея в сочетании с похвалой”, он лично повторил легендарный путь апостола в Малой Азии и Крыму. Там он зафиксировал традицию чествования этого апостола и включил эти места (в частности, и Херсонес, где Андрей “оставался длительное время”) в маршрут апостола Понта¹⁸. Св. Андрей проповедовал балканским и причерноморским народам, в том числе “скифам”. Позже под пером древнерусских книжников путешествие Андрея будет продолжено дальше на языческий Север, где он, выйдя из корабля на берег, освятит место будущего Киева, соорудив на “киевских горах” крест. А затем – сюжет популярный в новгородском летописании – вынужден будет двигаться ещё севернее до тех мест, где потом возникнет Новгород¹⁹.

“По берегам моря Русского учил, как говорят, святой апостол Андрей, брат Петра. Когда Андрей учился в Синопе и прибыл в Корсунь (античный Херсонес. – К. К.), узнал он, что недалеко от Корсуни – устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришёл и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”. И взойдя на горы эти, благословил их, и

¹⁷ Андрей Первозванный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

¹⁸ Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Х. : Майдан, 2001. – С. 169.

¹⁹ Необходимо отметить, что апокрифичность легенды о древнерусском вояже св. Андрея целиком осознавалась в средневековой Руси. Митрополит Илларион писал: “Хвалит же хвалебным гласом римская страна Петра и Павла ... Асия и Эфес, и Патмос – Иоанна Богослова. Индия – Фому, Египет – Марка ... Похвалим же и мы ... великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира ...” См. : *Илларион*. Слово о Законе и Благодати [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.old-russian.chat.ru/13ilarion.htm>. Более того, первый список “Повести временных лет” – так называемый Древнейший свод 1039 г., а также Начальный свод 1095 г. и “Чтение о Борисе и Глебе” Нестора Летописца прямо заявляют, что на Русь апостолы “не ходили” и что они в наших землях “не быша”. Но уже с 1116 г. сын Всеволода Ярославича Владимир Мономах приказал игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру внести в “Повесть временных лет” русский вариант легенды об апостольской миссии Андрея Первозванного. Так с того времени рассказы о посещении апостолом земли русской непременно включаются во все последующие летописные списки. См. : Андрей Первозванный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Андрей_Первозванный.

На Руси особый культ апостола Андрея Первозванного получил распространение с 1080-х гг. Первая церковь в честь апостола Андрея была построена в Киеве в 1086 г. трудами великого князя Всеволода Ярославича, сына Ярослава Мудрого. Владимир Всеволодович, внук последнего, инициирует уже редактирование “Повести временных лет” Сильвестром.

поставил крест, и помолился Богу, и сошёл с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошёл вверх по Днепру. И пришёл к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся [в банях], и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришёл в Рим, и поведал о том, как учил и что видел ...”²⁰ Апостол Андрей путешествует путём “Из Варяг в Греки” речной сетью через всю будущую Древнерусскую державу, символически вовлекая её в пространство христианской ойкумены. Это путешествие подобно путешествию мифических культурных героев – творцов космоса, которые таким образом обустроивали Вселенную. После освящения киевских гор вторым ключевым моментом вокруг европейского путешествия св. Андрея стало посещение земель “словен, где нынче стоит Новгород”, а дальше – прибытие в Рим – центр Империи-Универсума. Своим римским рассказом о проповедничестве и диких обычаях славян апостол дополнительно подтверждает и окончательно легализует включение земель северных варваров в христианско-имперскую ойкумену.

Стоит обратить внимание, что в летописном рассказе о деяниях св. Андрея место будущего Киева – стольного града и центра митрополичьей кафедры “всая Руси” – освящается, так сказать, наслоением нескольких сакральных актов апостола: остановка на берегу, ночёвка, беседа с учениками и предсказание великого будущего волей Божией, благословение и установка креста, молитва. Земли второго центра Руси – Новгорода упоминаются в связи со странным для чужаков славянским обычаем мыться в банях, получившим в рассказе ироническую форму и выполняющим функцию анекдот-маркера для определения этнического самоотождествления. В последующих средневековых источниках, особенно новгородских, эта легенда обрастает всё большим числом деталей. Сообщается о воздвижении св. Андреем святого креста в Новгороде, около нынешнего села Грузино на берегу Волхова, о путешествии к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где он будто бы устанавливает каменный крест и истребляет капища богов Велеса и Перуна, обращая в христианство языческих жрецов.

Важным моментом для нашей темы является то, что отправной точкой северного путешествия первоозванного апостола становится Херсонес-Корсунь, только пребывая в котором св. Андрей узнает о существовании неподалеку (!) устья Днепра, сыгравшего роль ворот Руси. Миссия первого ознакомления славян с христианством, как видим, вышла из византийских земель, но, что важно, обойдя по кругу всю Европу (= христианский мир средневековья) зафиксировала себя в Риме, который символизирует весь мир, всю ойкумену. Пространственная самоидентификация Руси, таким образом, конструируется в отношении двух центров вселенского христианства, которые в определённое время были и двумя центрами универсальной империи.

В предании о служении св. Андрея значение Херсонеса-Корсуни действительно весьма велико. Древний город рассматривается не просто как промежуточный пункт на пространственно-географической карте, он несёт символическую нагрузку. Это срединная точка на пути сакрального приобщения к божественной истине, точка, соединяющая исток – места первоначальных апостольских проповедей с устьем – всей Русской землёй, по которой вскорости (через каких-то 1000 лет) разлилась благодать. Таким образом, в легенде о св. апостоле Андрее Первоозванном символическое значение Хер-

²⁰ Повість врем’яних літ : літопис (За Іпатським списком) / пер. з давньоруськ., післяслово, комент. В. В. Яременка. – К. : Рад. письменник, 1990. – С. 14–15.

сонеса состоит в указании вектора на благочестия: от Киева на Константинополь и Святую Землю.

Так называемая “Корсунская легенда” – история о крещении киевского князя Владимира Святославича – одна из нескольких, приводимых древнерусскими книжниками, – ещё более жёстко связывает Русь с древним Херсонесом. Главным лейтмотивом легенды, изложенной в “Повести временных лет”, является признание факта крещения Владимира Киевского в церкви св. Василия, в захваченном русами Херсоне²¹, после прибытия в город царевны Анны – сестры ромейских императоров Василия II и Константина VIII и случившегося чуда исцеления князя от глазной болезни. Вскоре после крещения состоялось венчание Владимира и Анны, а по прибытии Владимира в Киев было проведено крещение киевлян в р. Почайне, и началось официальное распространение христианства.

По мнению целого ряда современных церковных и светских историков, более достоверным является то изложение последовательности событий, которое содержится в сочинении Мниха Иакова “Память и похвала великому князю Владимиру” (XII в.) Автор писал: “После же святого крещения блаженный князь Владимир прожил 28 лет. На второй год после крещения он ходил к Днепровским порогам, а на третий – взял Корсунь”²². Св. Владимир скончался 15 июля 1015 г., следовательно, крестился он в 987 г., ходил к порогам в 988 г., а Херсонес взял в 989 г. По мнению некоторых исследователей, князь Владимир ходил к Днепровским порогам весной 988 г., чтобы торжественно встретить там свою невесту, принцессу Анну с её свитой и сопроводить её в свою столицу. Непосредственно после этого летом 988 г. свершилось Крещение Руси.

Смысл похода кн. Владимира на Херсонес, когда бы он ни произошёл – то ли в 988, то ли в 989 г., ускользает от современной науки. Возможность возникновения военного конфликта между Русью и Византией не вяжется с фактом пребывания до 991 г. в составе императорской армии в Малой Азии и Сирии войск, посланных Владимиром для борьбы с узурпатором Вардой Фокою²³. Данное недопонимание порождает множество гипотез. Наиболее распространённым является мнение, согласно которому военная активность кн. Владимира была направлена против Херсона с тем, чтобы пото-

²¹ Древнерусский летописец был знаком и с иными версиями: “Крестился же он [кн. Владимир] в церкви Св. Василия, а стоит та церковь в городе Корсуні посреди града, где собираются корсунцы на торг ... Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве [пригородном княжеском замке], а другие по-иному скажут”. См. : *Повість врем'яних літ ...* – С. 176–177.

²² *Архимандрит Никон (Лысенко)*. Очерки по церковной истории Руси (Часть 1). Первый правленный экземпляр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dl.biblion.realin.ru/text/18_Istoriya_TSerki/Arh._Nikon_%28Lysenko%29._Ocherki_po_istorii_tserkvi_v_drevnej_Rusi.htm

²³ Хроника сирийского автора Яхьи Антиохийского, бывшего не только современником, но и живым свидетелем мятежа Варды Склира, сочинение армянского историка Степаноса-Асохьяка из г. Торона (980–1066), арабская хроника продолжателя Ибн-Мискавейха, писавшего между 1072 и 1092 гг., – все эти источники однозначно свидетельствуют, что переговоры между князем Владимиром и митрополитом Феофилактом завершились крещением Владимира и его дружины. Хроника Ибн-Мискавейха свидетельствует также, что когда “царь русов принял христианство, союз был заключен и принцесса отдана ему в жены. Царь же русов отправил часть крестившихся с ним воинов, людей сильных и мужественных, на помощь им (византийцам)”. См. : *Поппе А.* Политический фон крещения Руси (Русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1990. – С. 224.

ропить императоров исполнить свои обязательства и ускорить приезд на Русь царевны Анны в качестве невесты князя²⁴. Наиболее оригинальной гипотезой является предположение польского историка Анджея Поппе, согласно которому херсонеситы оказались в стане союзников мятежного Варды Фоки и были наказаны Владимиром – союзником законного императора. Тогда действия Анастаса-корсунянина, который добровольно сдал русам родной город, а после отправился на Русь как священник, получают объяснение не в контексте измены родине, а в контексте верноподданнического поступка – поддержки союзников законного властителя против узурпатора²⁵.

Значение Херсонеса в древнерусской книжной традиции велико, связано оно далеко не с осмыслением Корсуни как места крещенской купели кн. Владимира. “Корсунская легенда” оспаривалась ещё в средневековье – об этом прямо говорит летописец: существовало, по меньшей мере, три различные, несогласованные версии крещения киевского князя. И сторонники, и противники “корсунской легенды” признают, что реальный импульс крещение Руси получило после херсонесского похода Владимира. Князь вывез из византийского города царевну, священников, религиозный инвентарь, святые мощи: “Владимир же взял царицу и Настаса, и попов корсунских, мощи святого Климента и Фива, ученика его, и взял сосуды церковные, иконы на благословенье себе. Поставил же церковь святого Иоанна Предтечи в Корсуне на горе, насыпанной посреди града из земли, выкраденной из насыпи. Эта церковь стоит по сей день. Уходя, взял же два медных капища и четырёх коней медных, которые и ныне стоят за святой Богородицей, несведущие мнят их мраморными. Владимир отдал Корсунь грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришёл, повелел свергнуть всех кумиров...”²⁶ Как видим, за захватом Херсонеса последовало не простое ограбление покорённого города: Владимир передает Херсонес в качестве свадебного дара императорам – братьям своей невесты, а в самом городе в назидание и в память о своём присутствии возводит христианский храм на фундаменте грунта, вынуженного из осадной насыпи русов, призванной во время осады сокрушить город.

По возвращении в Киев в руках обновлённой, то есть крещённой, приобщённой к божественной благодати, светской верхушки и новопоставленного клира оказались сакральные реликвии, приобщавшие Русь к Вселенской Церкви и Вселенской Империи – Ойкумене. Однако приобщение к империи подаётся как целиком добровольное – не путём подчинения ей, а путём установления церковных контактов и демонстрации военно-политического преобладания. Князь отторгает, присваивает, а после добровольно возвращает Херсонес – северный форпост империи. Изображается всё так, будто бы

²⁴ Несколько лет назад в Интернете появилась сенсационная интерпретация данной череды событий. Византийские императоры были вынуждены пообещать кн. Владимиру – варварскому властителю необузданного языческого народа – слишком большие авансы, которые не были готовы исполнять. Потому среди трёх кораблей, снаряженных для отправки в Херсонес багрянородной невесты, одно судно было гружено дарами, яствами и винами. Последние, однако, были отравлены, чтобы превратить бракосочетание царевны Анны с самозванным дикарём в праздник смерти. Этот коварный план, могущий изменить ход истории, провалился из-за кораблекрушения. Якобы пару лет назад судно с амфорами отравленного вина было обнаружено подводными археологами у крымских берегов. См.: Корабельный портал // Древний корабль принцессы Анны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.korabley.net/news/drevnij_korabl_princessy_anny/2011-12-11-1032

²⁵ Поппе А. Политический фон крещения Руси ... – С. 222–223.

²⁶ Повість врем'яних літ ... – С. 182–183.

Русь силовим путём сама себя включает в пределы империи и в семью христианских народов. Иначе говоря, вследствие овладения частью имперского пространства, Русь присовокупляет себя к телу Империи. Херсонес представляется географической точкой, через которую произошло символическое приобщение к империи-ойкумене, вселенской христианской общности. Точкой, находящейся далеко за пределами Руси, не просто соотносимой с христианским миром (*Pax Romani Christiani*), а политически и цивилизационно принадлежащей Ромейскому царству – Римской (Византийской) империи.

Пространственная ориентация Руси относительно Византии (Константинополя – Второго Рима) всегда чётко осознавалась древнерусскими книжниками. Определяя место Руси в символическом пространстве, они, с одной стороны, исходили из расселения на Севере и на Западе потомков сына Ноя Яфета²⁷, а с другой – учитывали первенство греков в принятии святого крещения и исполнение ими роли “учителей веры” на Руси. Осознание последнего иногда заставляло подчеркивать равенство всех народов, которые восприняли Благодать. К примеру, Илларион в “Слове о Законе и Благодати” (между 1037–1050 гг.) последовательно выступает против иудеев: “Так оно и есть, ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла, и озеро Закона пересохло, а евангельский же источник наполнился и всю землю покрыл и до нас разлился. Это и мы со всеми христианами славим Святую Троицу, а Иудея молчит. Христос – прославляется, а иудеи проклинаются. Народы – (языки) приобщаются, а иудеи – отвергаются”²⁸. Это традиционное для средневекового христианского интеллектуала выступление против иудаизма – не отражение конкуренции вер, а выступление против концепции исключительности, богоизбранности одного из народов. Вера в богоизбранность, в составление контракта с Богом, который отсекает все другие народы – это, по сути, синоним гордыни. Илларион доказывает равенство народов перед Богом, следовательно, и равенство друг перед другом²⁹. М. Брайчевский отмечает: “Суть общечеловеческой истории, по мнению Иллариона, состоит в поступательном приобщении народов к христианству, откуда происходит принципиальное равенство всех народов, которые присоединились к Благодати – тезис, явно противопоставленный византийской теории Вселенской церкви и Вселенской державы, на роль которой претендовал Константинополь”³⁰.

Средневековая Русь мыслила себя в пределах мирового сакрального пространства, осознавала себя пусть окраинной, однако целиком равноправной его частью. Интересным здесь представляется наблюдение Б. Успенского, согласно которому с давних пор пророчество про Конец Света связывалось на Руси с представлением о том,

²⁷ Взял Яфет себе также страны до “Понтийского моря на северных сторонах: Дунай, Днестр и Кавкасийские горы, то есть Угорские, а оттуда, следовательно, и до самого Днепра. [Достались ему] и другие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов. Волга, что идёт на восток в часть Симовую. В Яфетовой же части сидит русь, чудь и всякие народы...”. См. : *Повість врем’яних літ ...* – С. 3–4.

²⁸ *Илларион. Слово про Закон і Благодать // Тисяча років української суспільно-політичної думки : у 9 т. : передмова О. Сліпущко, В. Яременко / упор. прим. О. Сліпущко. – К. : Дніпро, 2001. – Т. 1. X–XV ст. – С. 207.*

²⁹ *Салтовський О. І. Концепції української державності в історії вітчизняної політичної думки (від витоків до початку XX сторіччя). – К. : Парапан, 2002. – С. 16–17.*

³⁰ *Брайчевський М. Утвердження християнства на Русі. – К., 1988. – С. 172.*

что Русь и Греция поменяются местами³¹. “Повесть временных лет” под 6579 (1071) годом сообщает о волхве, который вещал, что реки потекут вспять, земли перейдут с места на место, и греческая земля станет там, где стоит русская, а русская окажется на месте греческой³². В позднесредневековую эпоху после падения Константинополя в 1453 г., что было соотнесено с пророчествами такого рода, эсхатологическое восприятие истории максимально усиливается. Для многих православных интеллектуалов критически переосмысливается символично-географическое место Руси в координатах сакрального пространства: сложно оставаться периферией при отсутствии центра – латинский (Первый) Рим уже давно перестал восприниматься таковым из-за якобы искривления истинного христианского вероучения католичеством, Второй Рим – Константинополь из-за отступничества (Флорентийская уния 1439 г.) был захвачен басурманами. Б. Успенский приводит слова Арсения Суханова из его дебатов с греками (1652): “Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, как это ныне Господне слово сбылось на вас: были вы первые, а ныне стали последние; а мы были последние, а ныне первые”³³.

В общем можно принять и заключение Б. Успенского: “С падением Византийской империи Византия и Русь как бы меняются местами, в результате чего Московская Русь оказывается в центре православного – а тем самым и всего христианского – мира. Соответственно, Москва осмысливается как новый Константинополь или Третий Рим, причем утверждение Москвы в этой роли одновременно означает отрицание Константинополя, как и Рима в качестве центров христианского мира – постольку, поскольку каждый раз предполагается существование одного Константинополя или одного Рима”³⁴. Доктрина “Москва – Третий Рим” исследовалась долго и плодотворно, потому почти её не касаясь, отметим, что в её контексте радикальное изменение сакрально-пространственных координат Руси в отношении Византии было осуществлено согласно иной методике, нежели всё, о чем говорилось выше.

“Переходу” Руси на место Византии в сакральной географии православного мира способствовало множество факторов, среди которых на первом месте, безусловно, было осознание самого факта исчезновения богохранимого Царьграда – Константинополя, место которого занял магометанский Стамбул. Но этот “переход” – это перенесение святости и тяжести предводительства, это приобщение к священству и лидерству, это начало нового цикла сакральной истории, который отсрочивает, переносит “конец истории”, это нечто среднее между *translatio imperii* и восхождением Святого Духа. Своего рода передача эстафеты от Византии на Русь состоялась путём переноса ряда сакральных вещей. Так, в “Сказании о князьях Владимирских” XVI в., носившем официальный характер, подчёркивалось, что в своё время император Константин Мономах

³¹ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина “Москва – Третий Рим” // Б. А. Успенский Этюды о русской истории. – СПб. : Азбука, 2002. – С. 145, прим. 68.

³² “В те же времена пришёл волхв, искушённый бесом, ибо, придя в Киев, он говорил: “Явились мне пять богов, говоря так: “Поведай людям, что на пятый год потечь Днепру вспять, а землям переступить на другие места, так что стоять Греческой земле на Русской земле, а Русской на Греческой, и иным землям переместиться”. Невежды же его слушали, а верующие насмехались, говоря ему: “Бес тобой играет на пагубу тебе”. Что и случилось с ним, ибо одной ночью исчез он без вести”. См. : Повість врем’яних літ ... – С. 276–277.

³³ Белокуров С. Сочинения Арсения Суханова // ЧОИДР. – 1894. – Кн. 2. – С. 99–100, 169–171. См. : Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси ... – С. 145 ; прим. 69.

³⁴ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси ... – С. 111.

передал “венец царский” и “ожерелье, иже на плече своем ношаше” – так именуются шапка и бармы – киевскому князю Владимиру Мономаху, чтобы тот венчался на царство, “да нарекается отсюда боговенчаный царь”³⁵. Наименование в XVI в. шапки среднеазиатской работы, подаренной ханом Узбеком Ивану Калите в XIV в. как символ подчиненности золотоордынскому царю, “венцом” свидетельствует об ориентации на Византию и убеждении в равенстве и преемственности от “настоящего” царя – греческого. “Степенная книга” прямо связывает перенос даров из Византии на Русь с пониманием Москвы как нового Константинополя: “И не просто рещи таковому дарованию не от человек, но Божиим неизреченным судьбам претворяще славу Греческого царства на российского царя” (ПСРЛ, XX / 1, 1908, 188).

Вместе с тем, отмечает Б. Успенский, во время венчания Дмитрия-внука (1483–1509) на царство в Москве в 1498 г. фигурировали реликвии, которые могут быть связаны не только с Константинополем, но и с Римом. Речь идёт о сердоликовой чаше (“коробке”), которую преподнесли Дмитрию на пиру, завершающем церемонию постановки на царство: “крабица сердоликовая, из неяже Август, царь римський, веселяшеся”, была также получена Владимиром Мономахом от византийского императора Константина Мономаха в подтверждение права русского великого князя на царский титул³⁶. Эта чаша упоминается среди основных знаков царского достоинства – наряду с шапкой и бармами Мономаха – во вступлениях к чинам венчания на царство Ивана Грозного и Фёдора Ивановича³⁷. “Чаша Августа Римского, – продолжает Б. Успенский, – тем самым связывает российских государей как с римской, так и с византийской традицией, естественно соответствует восприятию Константинополя как второго Рима, вместе с тем эта чаша должна была, вероятно, ассоциироваться с претензиями российских монархов на генеалогические связи с Августом, что предусматривало непосредственную связь Москвы и первого Рима”³⁸. Стоит отметить, что в более поздней неофициальной традиции “сердоликовой крабице” может приписываться не римское, а ещё более древнее – вавилонское – происхождение, и она может быть связана не с Августом, а с Навуходоносором. В одной из редакций “Сказания о Вавилонском царстве” византийский царь Лев посылает в Вавилон трёх мужей (грека, русского и грузина), и те находят там “крабицу сердоликовую”, а в ней царские регалии Навуходоносора; они приносят их в Константинополь, после чего эти регалии попадают на Русь; в этом же контексте может фигурировать и шапка Мономаха³⁹. В обоих случаях эта связь осуществляется через Византию; в обоих случаях сердоликовая чаша возводится к языческому царю, который властвует над всей Вселенной, и выступает как знак власти⁴⁰.

Книжники средневековой Руси нередко обыгрывали палиндромы Рим – мир, осознавая параллелизм владычества в Риме с властью над миром. К примеру, в послании Филофея Москва воспринимается как последний Рим, причем Рим олицетворяет

³⁵ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. – М. ; Л., 1955. – С. 165, 177, 191.

³⁶ “Послание” Спиридона-Саввы и “Сказание о князьях Владимирских”. См. : Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских ... – С. 164, 177, 190, 210.

³⁷ Там же. – С. 183–184, 194.

³⁸ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси ... – С. 98.

³⁹ Дробленкова Н. Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. II: Вторая половина XIV–XVI в. – Ч. 2 (Л–Я). – С. 253.

⁴⁰ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси ... – С. 125.

Установление преемственности империиума Москвы от Вавилона через Рим и Константинополь представляет собой специфическое отражение теории преемственности четырёх царств – Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской империй.

мир. Сравните в “Послании на звездочетцев”: “Многажды и апостол Павел поминает Рим в посланиях, в толкованиях глаголет: “Рим – весь мир”. Филофей цитирует здесь какое-то толкование на послание апостола Павла; в самих посланиях такой фразы нет⁴¹. Отождествление слов Рим и мир поддерживается их формальной схожестью, одинаковым составом букв: читая Рим справа налево, получаем мир, и наоборот, – перед нами как будто одно слово, которое возникает в разных облициях. Созвучность Рим – мир отражает, возможно, созвучность исходных латинских слов *urbs* и *orbis*, особо заметное в сочетании *urbi et orbi*⁴².

Подытоживая затянувшееся рассмотрение религиозно-мифологической компоненты преувеличения роли Херсонеса и Крыма в отечественной интеллектуальной традиции, отмечу, что интеллектуалы Киевской Руси соотносили своё географическое пространство с координатами сакрального христианского мира, демонстрируя приобщение к последнему путём демонстрации деяний на русских землях выдающихся личностей. В “Повести временных лет” – это св. апостол Андрей Первозванный. Такая метода отнюдь не нова, она традиционна и встречалась ещё в античных текстах – в нарративах (“Борисфенитская речь” Диона Хризостома⁴³), в эпиграфике (херсонесские надписи⁴⁴), в средневековых исторических текстах (53-я гл. “De administrando Imperii” Константина Багрянородного⁴⁵), в агиографии (“Жития святых Епископов Херсонских”⁴⁶). Эксплуатация какого-либо яркого личностного образа, который как символ чётко маркировал бы принадлежность, а вернее сопричастность той или иной общности, и в древности, и в средневековье как нельзя лучше подходила для демонстрации единства части и целого⁴⁷. Такая же метода была использована и в послании В. В. Путина, и в кремлёвской пропаганде, алчущей “духовных скреп”.

В средневековых текстах началом множества реалий того времени назначался первый христианский император – св. равноапостольный царь Константин⁴⁸. В путин-

⁴¹ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси ... – С. 105, 136.

⁴² “Город и мир”; сами римляне неоднократно именовали свой “Вечный град” просто Городом. См. : Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 203 сл.

⁴³ Античный ритор устами борисфенитов декларирует их принадлежность эллинскому миру, вопреки варваризации быта и внешнего облика Ольвии и её граждан. Принадлежность к эллинизму демонстрируется путём демонстрации сопричастности ольвиополитов деяниям легендарного Ахиллеса, почитавшегося в Ольвии как бог, и увлечённости творчеством Гомера и Платона (Dio Chris. XXXVI).

⁴⁴ Некоторые декреты сообщали о награждениях граждан за “правильное описание истории города и его отношений с царями и народами” (IOSPE, I², 344) или за упоминание ими Херсонеса в римском сенате и у диктатора и консула Гая Юлия Цезаря (IOSPE, I², 691).

⁴⁵ Происхождение автономистских и налогово-таможенных привилегий Херсонеса связывалось с их дарованием городу самим Константином Великим (De adm. Imp., 53).

⁴⁶ Христианизация Херсонеса связывалась с усилиями святых крестителей, активно направляемыми самим Константином Великим. См. : Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. IV: сборник / Крымское отдел. Ин-та востоковедения НАН Украины; ред.-сост. А. И. Айбабин, С. А. Плетнева. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 545–561.

⁴⁷ Колесников К. URBE ET ORBE ... – С. 266–268.

⁴⁸ В “Слове о Законе и Благодати” Илариона русским аналогом Константина Великого провозглашается “первокреститель св. Владимир”. С тех пор в исторической и церковной лите-

ском спиче кн. Владимир Святой почему-то безапелляционно ассоциируется с истоком Русского государства, а духовным истоком современной многоконфессиональной Российской Федерации объявляется христианство. Потому место крещения князя Владимира Святославича президентом Владимиром Владимировичем объявляется священным для России, а акт корсунского крещения – основанием для обладания Крымом. Функцию символического отождествления, таким образом, исполняют древний город, фигура св. Владимира и акт его крещения, через который нынешняя Россия приобщается к христианскому наследию и аннексированному ею Крыму. В Крыму “находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь ... И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда”⁴⁹. Логика целиком традиционная и ожидаемая. Но сфера применения иная: не духовная, а светская, не церковь, а государство. Отправная точка приобщения Руси к Благодати используется для обоснования военно-политической агрессии. Как же произошло, что подобная кричащая подмена сакрального профанным была воспринята целиком нормально и вызвала лишь немногочисленные интеллектуальные протесты на фоне широкого одобрения?⁵⁰

В Московской Руси осознание своего пространства как окраины Вселенной – мира, который отождествлялся с Римом и Константинополем (Вторым Римом) – уступает представлению о себе как о центре христианского мира (“Москва – Третий Рим”), что знаменует собой начало новой эры сакральной истории, нового мира. Демонстрация обмена местами в пространстве сакральной географии между Русью и Грецией (“были вы [греки] первые, а сейчас стали последними, а мы были последние, а ныне первые”) осуществляется через символический акт передачи на Русь царских регалий, принадлежавших древним владыкам ойкумены – шапки и барм Мономаха, чаши Августа (или Навуходоносора). Теория “Москва – третий Рим” вобрала в себя, таким образом, две отличные составляющие – доктрину преемственности четырёх царств и доктрину переноса центра священного пространства, в основе первой – принцип *translatio imperii*, в основе второй – идея восхождения Святого Духа. Как видим, средневековая Москва и имперская Россия в оправдание возвращивания своего величия с готовностью смешали две доктрины – доктрину царства (земного могущества) и доктрину священства (небесного блаженства). Деяниями многих своих монархов⁵¹ презрела евангельскую истину “Богу – божие, кесарю – кесарево”, подменяя расшатанный фундамент

ратуре образ кн. Владимира будет выписываться по типичным канонам житийной традиции, посвящённой св. равноапостольному царю Константину.

⁴⁹ Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014 года.

⁵⁰ Прот. Андрей Новиков. Херсонес. Образованщина против традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.novorosinform.org/articles/id/551> ; Протоиерей Андрей Кураев. Св. Владимир, Путин и Херсонес [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.diakuraev.livejournal.com/722637.html>

⁵¹ Наиболее одиозные фигуры в этом списке – Иоанн Грозный и Пётр I.

Киевской Руси, который зиждился на византийской традиции “симфонии” Государства и Церкви, Императора и Патриарха, золотоордынскими основами восточной деспотии, выстраивая на этой почве какое-то подобие ветхозаветной теократии, приправленной европейским Просвещением.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. В послании президента РФ стремление обосновать стратегическое господство сакрально-гуманитарными мотивами⁵² отнюдь не ново, но от этого не менее опасно. Подобный подход традиционен для Москвы. Традиционны и другие манипуляции смыслами, которые содержатся в “Послании ...” Чего стоит хотя бы беспардонное отождествление кн. Владимира с московско-российской государственностью⁵³. Хотя для будущего современной многонациональной и поликультурной России, исповедующей множество разнообразнейших религий, не менее опасны утверждения о восточнославянском мире как этнической основе и христианстве как духовной основе общей государственности⁵⁴. Почти сто лет назад единую империю изнутри подточил национализм, причём именно русский национализм, поскольку национализмы угнетённых народов вполне можно было совместить с наднациональными принципами универсальной империи. Национализм титульной нации разрушал империю Романовых изнутри, приводя к политизации окраинных национальных движений, лишая их шансов интегрироваться в условиях модернизации. Россию как империю

⁵² “Сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства”. См. : Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014 года.

⁵³ Между прочим, присвоение Москвой не только символической фигуры кн. Владимира Святославича, а всей древней и средневековой истории Украины было крайне удобным мотиватором Царства-Империи. Однако эта имперская идея, созданная при участии нескольких поколений украинских церковных интеллектуалов, выглядела респектабельно и гармонично лишь в XVII–XVIII вв. В соответствии с ней Москва виделась как политический центр царства – “Третий Рим”, а Киев – как его сакральный центр – “Второй Иерусалим”. Но со времен Петра I, заменившего патриаршество светским органом – Священным синодом, императоры всероссийские возжелали стать царями и первосвященниками в одном лице, что было уже заложено Иваном Грозным. В XIX–XX вв. с поднятием на щит доктрины официальной народности (“православие, самодержавие, народность” как три кита государственности) обосновать претензии империи на Киев в культурологическом плане было уже непросто. Абсурдное утверждение о едином русском народе, отрицающее этническую самодостаточность украинцев и белорусов, и которое, кстати, повторил В. В. Путин в четырёхчасовом прямом эфире 16 апреля 2015 г., абсолютно ничего не давало в плане легитимации империи и сто, и двести лет назад. На момент Первой мировой войны в сухом остатке имперских легитимистских теорий оказались очень сомнительные династические права Романовых на Киев. Идея династической легитимации в начале XX в. была основательно расшатана национализмом, а с ликвидацией монархии исчезли всякие правовые иллюзии относительно законности власти бывшего имперского центра над этническими окраинами. В этой связи неслучайным являлось желание немецкого населения новообразованной Австрийской республики, выраженное единогласным решением австрийского Учредительного собрания в Вене сразу после окончания Первой мировой войны и ликвидации Австро-Венгерской империи, объединиться с поверженной Германией.

⁵⁴ “Христианство явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира”. См. : Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014 года.

спасла наднаціональна большевистская идеология, канувшая в лету после 1991 г. А теперь очень маловероятно, что спустя столетие после трагических событий 1914–1921 гг. и спустя четверть века после развала “коммунистической” империи пропаганда, манипуляции с сознанием масс и ложь на высшем государственном уровне способны укрепить Российское государство на почве русского национализма. Ещё менее вероятно, что дурно поданное “гундяевцами” христианство способно сплотить столь разноликую сегодняшнюю Россию. Нежелание русского народа превращаться в современную нацию и нежелание страны меняться в направлении изживания имперских комплексов уже в среднесрочной перспективе может привести Россию к очередному коллапсу, ужасы которого затмят революцию и гражданскую войну прошлого столетия.

В краткосрочной же перспективе следует иметь в виду, что путинское обоснование исторических прав России на Крым открывает два вектора дальнейшей экспансии: на Киев, где была столица кн. Владимира Святого и откуда началось крещение Руси задолго до появления Москвы, и на Константинополь – к черноморским проливам и средиземноморским просторам – российской имперской мечте второй половины XVIII – начала XX в. Вероятность первого вектора в условиях так называемой “гибридной войны” против Украины и с учётом утверждения В. В. Путина о том, что “украинцы и русские – это один народ”, а с теми, кто не согласен, национальный лидер “готов подискутировать”⁵⁵, гораздо более очевидна. Но и об угрозах второго вектора на перспективу следует задуматься.

Условные сокращения

App. Bel. Civ.	<i>Аппиан</i> . Гражданские войны
Cic. Ep. ad Att.	<i>Цицерон</i> . Письмо к Аттiku
De adm. Imp.	<i>Константин Багрянородный</i> . Об управлении империей (De administrando imperio)
Dio	<i>Кассий Дион Коккейан</i> . Римская история
Dio Chris	<i>Дион Хрисостом</i> . Борисфенитская речь
IOSPE, I ²	Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionales Ponti Euxini: Graecae et Latinae / Ed. В. Latyshev. – Ed. II. – Petropoli : Acad. Sci. Petropol., 1916. – Vol. I
Plut. Caes.	<i>Плутарх</i> . Цезарь
Polyb.	<i>Полибий</i> . Всеобщая история
Strabo.	<i>Страбон</i> . География в 17 книгах
ВДИ	Вестник древней истории
ИИАК	Известия [Императорской] Археологической комиссии
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
Мф.	Евангелие от Матфея
ЧОИДР	Чтения Общества истории и древностей России

⁵⁵ Прямой эфир Президента РФ В. В. Путина с гражданами России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.serialchikov.ru/smotret_online/Politika_Prjamaja_linija_Putina_chetire_chasa_obshhenija_s_narodom_\(jefir_ot_17.04.2015\)-772](http://www.serialchikov.ru/smotret_online/Politika_Prjamaja_linija_Putina_chetire_chasa_obshhenija_s_narodom_(jefir_ot_17.04.2015)-772)